

Возможности применения методики «Персональная сказка» для оценки жизненного сценария пациентов принудительного лечения психиатрического стационара

Гребень Н.Ф.¹ научный сотрудник Отдела психических и поведенческих расстройств
Агеенкова Е.К.² к.психол.н., доцент кафедры клинической и консультативной психологии

- 1 — ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья»
Минск, Республика Беларусь
- 2 — ГУО «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка»
Минск, Республика Беларусь

Цель. Апробация диагностической методики «Персональная сказка» и изучение ее возможностей в плане выявления жизненного сценария и адаптационных ресурсов пациентов принудительного лечения психиатрического стационара.

Метод. В исследовании приняли участие 41 пациент принудительного лечения психиатрического стационара. Это мужчины в возрасте от 21 до 59 лет, страдающие расстройствами шизофренического спектра, и на момент обследования пребывающие в состоянии ремиссии. Методом исследования была проективная диагностическая методика «Персональная сказка», направленная на выявление жизненных сценариев. В статье представлены теоретические и методологические основания, а также прикладные аспекты использования данной методики. Анализ данных строился на основании таких методов, как контент-анализ и частотный анализ.

Результаты. Исследование показало, что у большинства исследуемых наиболее часто встречаются жизненные сценарии, которые подразумевают пассивное ожидание чуда, жизненного благополучия и добросердечных отношений, при этом ответственность за себя и свою жизнь переносится на внешние факторы. Наиболее часто встречается жизненный сценарий варианта «Я хороший, поэтому достоин блага». Для пациентов, длительное время находившихся в изоляции от социальной действительности, обнаруженные жизненные стратегии могут стать причиной адаптационного кризиса и последующих рецидивов психических расстройств и противоправных действий.

Заключение. Жизненный сценарий пациентов принудительного лечения психиатрического стационара является основанием для осуществления дифференцированных коррекционных интервенций со стороны психолога или психотерапевта. Такого рода вмешательства ориентированы на психологическую подготовку пациентов к предстоящей жизни в общественных реалиях.

Ключевые слова: жизненный сценарий, прогноз адаптации, проективная диагностика, методика «Персональная сказка», принудительное лечение, психиатрический стационар.

Для цитирования: Гребень Н.Ф., Агеенкова Е.К. Возможности применения методики «Персональная сказка» для оценки жизненного сценария пациентов принудительного лечения психиатрического стационара. *Психическое здоровье* 2020; (2): 46-53.

DOI: 10.25557/2074-014X.2020.02.46-53

Автор для корреспонденции: Гребень Наталья Федоровна; e-mail: strekosa@tut.by

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила: 05.09.2019.

Possibilities of using the «Personal Fairy Tale» methodology for assessing the life scenario in patients on compulsory treatment of psychiatric hospital

Hreben N.F.¹, **Aheyenkava K.K.**²

- 1 — Mental Health Center
Minsk, Belarus
- 2 — Belarusian State Pedagogical University n.a. M. Tank
Minsk, Belarus

Aim. Approbation of the «Personal Fairy Tale» dagnostic technique and study of its possibilities in terms of identifying the life scenario and adaptation resources of patients undergoing compulsory treatment at a psychiatric hospital.

Material and method. The study involved 41 patients of compulsory treatment of a psychiatric hospital. These are men aged 21 to 59 years, suffering from schizophrenic spectrum disorders and at the time of the survey, being in remission. The research method is the projective diagnostic technique «Personal Tale», aimed at identifying life scenarios. Theoretical and methodological grounds,

as well as applied aspects of using this technique are presented. Data analysis is based on methods such as content analysis and frequency analysis.

Results. The study shows that most analysts have life scenarios, which imply a passive expectation of a miracle, life well-being and good-hearted relationships, while the responsibility for themselves and their lives is transferred to external factors. The most common scenario is the life scenario «I am good, therefore worthy of good». For patients who have been isolated from social reality for a long time, life strategies discovered can cause an adaptive crisis and subsequent recurrences of mental disorders and illegal actions.

Conclusions. The life scenario of patients of compulsory treatment of a psychiatric hospital is the basis for the implementation of differentiated corrective interventions by a psychologist or psychotherapist. Such interventions are focused on the psychological preparation of patients for the upcoming life in social realities.

Key words: life scenario, adaptation prognosis, projective diagnostics, «Personal fairy tale» technique, compulsory treatment, psychiatric hospital.

For citation: Hreben N.F., Aheyenkava K.K. Possibilities of using the «Personal Fairy Tale» methodology for assessing the life scenario in patients on compulsory treatment of psychiatric hospital. *Psikhicheskoe zdorovie [Mental Health]* 2020; (2): 46-53. (In Russ.).

DOI: 10.25557/2074-014X.2020.02.46-53

Corresponding author: Hreben Nataliya; **e-mail:** strekosa@tut.by

Funding. The study had no sponsorship.

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interests.

Accepted: 05.09.2019.

Как показывает практика, в последние годы наблюдается рост сроков пребывания пациентов на принудительном лечении в психиатрическом стационаре, что не только требует больших экономических затрат, но и приводит к социальной дезадаптации пациентов, либо ее усугублению. Часто, как отмечает ряд авторов [12], трудовая и семейная дезадаптация предшествует моменту совершения общественно опасного деяния лицами с психическими расстройствами. С другой стороны, после прекращения реализации мер безопасности и принудительного лечения такие пациенты снова должны интегрироваться в общество, стать его полноценными членами. Однако стоит вопрос: насколько они готовы к существующим условиям социальной жизни.

Такое положение дел ставит новые задачи в работе медицинских психологов в психиатрическом стационаре для принудительного лечения. Большую часть рабочего времени они тратят на психодиагностическую работу. В их арсенале задействованы в основном утвержденные протоколом психодиагностические методики, которые далеко не всегда решают те задачи, которые определяются целью и задачами их лечения и реабилитации. Это во многом снижает значимость роли психолога в практике принудительного лечения, так и непосредственно его заинтересованность в своей работе.

В.Г. Булыгина, рассматривая основные формы профессиональной деятельности психолога в практике принудительного лечения, указала на то, что спе-

циалист занят преимущественно решением таких диагностических задач, как дифференциальная диагностика того или иного психического расстройства либо диагностика степени выраженности психических нарушений. Но, как справедливо отметила автор, описание патопсихологических симптомокомплексов весьма опосредованно нацелено на выделение прогностических факторов общественной опасности больных и выявление компенсаторных механизмов для дальнейшей реабилитационной работы с ними. Соответственно, во время принудительного лечения клинично-нозологическая диагностика не должна быть основной формой работы психолога, тем более, что она нередко дублирует данные неоднократных обследований, имеющихся в медицинской документации [7, с. 5].

Также следует иметь в виду, что пациенты, в отношении которых реализуются принудительные меры безопасности и лечения, представляют собой неоднородную группу как по клинично-нозологическому составу, степени выраженности психического дефекта, так и по характеру совершенного правонарушения. Это во многом ограничивает применение традиционных психодиагностических методик, ориентированных на людей со здоровой психикой, либо не позволяет решать актуальные задачи принудительного лечения. Прежде всего, это касается вопросов профилактики и реабилитации психических и поведенческих расстройств.

Обозначенные аргументы побудили нас к поиску новых методов психологической диагностики, направленных на выявление психологических факторов,

провоцирующих обострение психических расстройств и рецидивы противоправных действий. Своего рода решение мы нашли в апробации креативных методов психологической диагностики в практике принудительного лечения, в частности методики «Персональная сказка», направленной на выявление жизненных сценариев.

Цель исследования состояла в апробации диагностической методики «Персональная сказка» и изучении ее возможностей в плане выявления жизненного сценария и адаптационных ресурсов пациентов принудительного лечения психиатрического стационара.

Методы

Тип исследования: наблюдательное аналитическое поперечное.

В исследовании участвовали 41 человек, мужчины в возрасте от 21 до 59 лет, которые совершили противоправные действия и находились на принудительном лечении в ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» Минздрава Беларуси. Все охваченные пациенты страдают расстройствами шизофренического спектра, и на момент обследования были в состоянии длительной ремиссии. Последующему анализу и интерпретации подверглись 40 сказок пациентов. Одна сказка была исключена из диагностического анализа, так как в ней присутствовали признаки разорванного мышления, в связи с чем ее сюжет не мог быть определен.

Методология исследования базируется на проективном подходе в психодиагностике и, в частности, на экспрессивных методах проективной психодиагностики [8]. В исследовании была использована проективная методика «Персональная сказка» [1; 2]. Данная методика используется для выявления жизненного сценария, как при осуществлении индивидуального психологического консультирования, так и для обнаружения закономерностей в исследуемых группах. Так, с использованием ее интерпретационных возможностей был обнаружен ряд специфических жизненных планов больных артериальной гипертензией [3], больных тревожным расстройством [11].

Методика «Персональная сказка» имеет простую инструкцию: Сочините, пожалуйста, сказку». При недостаточном понимании сути задания дается развернутая инструкция: «Сочините, пожалуйста, сказку, чтобы в ней были действующие лица и сюжет. Начните так: «Жил(а)-был(а)» или «Жили-были». Далее сочините, как он жил и где. А затем расскажите, что с ним происходило потом».

Поскольку сочиненная сказка является проективным произведением, в котором ее создатель отражает

свои актуальные на момент исследования психологические установки и состояния, то для интерпретации важно знать, с кем из действующих лиц он идентифицирует себя. Автора сказки нужно спросить: «Кто из персонажей похож на вас?», либо «Кто из персонажей вам больше нравится?», либо «Кому из персонажей вы больше сопереживаете?». Это прием позволяет выделить главного героя или персонажа проекции.

В отличие от других подходов к интерпретации авторских сказок [10], данная методика направлена на выявление жизненных сценариев (жизненных планов, жизненных стратегий) анализантов. Причем, Е.К. Агеенкова для интерпретации персональных сказок предлагает использовать различные личностные теории, которые нацелены на обнаружение как внутриличностных конфликтов индивидов, так и возможных их невротичных жизненных стратегий [1]. В связи с этим теоретическим основанием методики «Персональная сказка» следует рассматривать нижеследующие личностные теории.

Положения А. Адлера [4], который ввел такие понятия как «жизненный план», «жизненный стиль», под которыми подразумевается способ достижения поставленных жизненных целей, обладающий уникальным индивидуальным характером. Э. Берн [6], оперировал понятиями «жизненный сценарий» и «жизненный план», первое из которых наиболее часто используется в современной психологии. Под жизненным сценарием автор понимал создаваемый каждым человеком еще в детском возрасте проект будущей жизни. Формирование людьми такого «жизненного плана» можно обнаружить в личностной теории психосинтеза, создателем которой является Р. Ассаджоли [5].

Многие классики психологии в целях выявления жизненных сценариев или стратегий активно предлагали использовать сказку или миф. Однако осуществление сценарного анализа на основе авторской сказки предлагалось только отдельными специалистами, например, Э. Берном и его последователями [6, 14], К.Г. Юнгом [17], Х. Дикманом [9], С.Н. Некрасовым и И.В. Возилкиным [13].

Для выявления и интерпретации жизненных сценариев индивида с помощью методики «Персональная сказка», был использован подход, предложенный Е.К. Агеенковой и Ю.А. Фондо [1, 2]. При оценивании жизненного сценария авторы исходили из особенностей поведения, как главного персонажа персональной сказки, так и самого сочинителя. При этом были применены основные позиции жизненного сценария Э. Берна [6] и юнгианское понимание жизни человека с позиций степени ее сходства с жизненным путем архетипического героя классического мифа или вол-

шебной сказки [17]. Анализ сочиненных сказок базировался на следующих наиболее значимых элементах поведения персонажа проекции:

1) оценка персонажа проекции (я – хороший или я – плохой);

2) наличие испытаний (есть испытания и персонаж идет им навстречу, испытаний нет или он уклоняется от них);

3) взаимодействие с противником (персонаж проекции встречает противника и вступает в борьбу с ним, противника нет или он уклоняется от борьбы с ним);

4) отношение к помощи в случае вступления персонажа проекции в борьбу с противником (опирается только на свои силы, принимает помощь других, надеется на чудо, талисман или на удачу);

5) достижение блага персонажем проекции (приобретает блага или признание, блага не достигает или отказывается от него);

6) оценка других действующих лиц (вы – хорошие, вы – плохие; вас нет).

Данный подход позволил авторам обнаружить восемь групп сказок со сходными линиями поведения их главных персонажей, которые являются идентичными жизненным сценариям их сочинителей. Эти жизненные сценарии были нами охарактеризованы в виде следующих девизов: «Я хороший, поэтому достоин блага», «Все могло бы закончиться хорошо, если бы я не ...», «Я мог бы сделать что-либо, но мне это не надо», «В жизни надо успеть сделать много хороших дел» (другой вариант этого жизненного сценария авторы обозначили так: «И вечный бой, покой нам только снится»), «Достижение благодаря борьбе и победе», «Я хочу жить в красивом мире с прекрасными людьми», «Нет в жизни счастья», «Если станешь на моем пути, я тебя уничтожу» [2, с. 52–54].

Результаты

На основании проведенного контент-анализа персональных сказок исследуемых лиц, согласно предложенным авторами методики критериям, было обнаружено шесть вариантов сказочных сюжетов, которые распределились следующим образом (табл. 1). Кроме этого нами был выделен еще один новый жизненный сценарий: «Самое лучшее никому не доверять. Отметим, что в отдельных сказках наблюдалось более одного сценарного сюжета.

Анализ показал, что большинство персональных сказок пациентов принудительного лечения психиатрического стационара соответствуют сценарию «Я хороший, поэтому достоин блага» (40%). К общим характеристикам данных сказок относится хорошее завершение сюжета сказки, наличие положительного героя, с которым сочинители себя ассоциируют, который, не прилагая никаких особых усилий, получает жизненные блага и преимущества. Жизненные блага, приобретенные главным героем в конце сказки, заключаются в основном в счастливой жизни чаще всего в браке, в собственном доме, в наличии хозяйства и детей. Процентное распределение вариантов приобретенных жизненных благ в расчете от всех сказок данного типа следующее: просто счастливая жизнь (64,5%), счастливая жизнь в браке (17,5%), счастливая жизнь с друзьями (2,5%), жизнь под покровительством добрых людей или волшебных сил, подарки и помощь от волшебных сил (7,5%); благополучная жизнь со случайно найденным ребенком (2,5%), приобретение славы и повышение в ангельском чине (2,5%).

Способы достижения этих благ в этих вариантах сказочных сюжетов заключаются в следующем: представила золотая рыбка; герой получил их в качестве по-

Таблица

Распределение вариантов сказочных сюжетов персональных сказок пациентов принудительного лечения психиатрического стационара

Сценарии	Количество / Процент
«Я хороший, поэтому достоин блага»	16 / 40 %
«В жизни надо успеть сделать много хороших дел»	10 / 25%
«Я хочу жить в красивом мире с прекрасными людьми»	6 / 15 %
«Достижение благодаря борьбе и победе»	4 / 10 %
«Нет в жизни счастья»	2 / 5,0%
«Если станешь на моем пути, я тебя уничтожу»	2 / 5,0%
«Самое лучшее – никому не доверять»	1 / 2,5%

дарка; ему по своей инициативе помогли «волшебные силы»; его полюбила принцесса, царевна или просто красивая женщина; подвернулся шанс; ему сопутствовали удача или случай; помогли добрые люди; у него был удачный брак; он познакомился с хорошими друзьями; ему пришли на помощь, когда он ее призывал; ему помогла молитва и просьба к Богу.

Мужчина, 35 лет.

«Жил-был Иван-дурак, и встретил он царевну-лягушку. Построил дом, завел детей, хозяйство. Праздновал праздники дома. Вырастил сына и отправил его в путешествие на корабле. Укусил сына комар. Повстречал сын царевну прекрасную, и стали жить поживать и горя не знать».

Если рассматривать приведенные сюжеты персональных сказок как проекцию жизненных сценариев их сочинителей, то обнаруживается, что опрошенные пациенты обладают вполне оптимистичными планами в отношении своей дальнейшей жизни. Однако их жизненным сценариям свойственна наивность, характерная для мечтаний маленьких детей. Е. К. Агеенкова и Ю. А. Фондо [2, с. 52] отмечали, что такой жизненный сценарий часто встречается у девушек, мечтающих быть «найденной принцем». Во всяком случае, такой сценарий редко встречается у мужчин зрелого возраста, которые понимают, что для достижения жизненных благ необходимы собственное усилие и преодоление трудностей. Мы полагаем, что у наших анализантов в период нахождения на принудительном лечении сложилось и вероятно укрепилось нереалистичное и инфантильное представление об окружающем мире.

Данная инфантильная позиция соответствует состоянию «базальной тревоги», которую К. Хорни [16, с. 31] определила как «чувство изоляции и беспомощности в мире, представляющемся ребенку потенциально враждебным». Причем, в этом тревожном состоянии основная часть исследуемых нами пациентов при взаимодействии с людьми выбирают из трех возможных вариантов, описанных К. Хорни («идти к людям, против людей или прочь от них»), именно первый путь. Она определяла эту позицию так: они «переполнены ожиданием волшебства».

Одним из популярных сюжетных вариантов персональных сказок пациентов принудительного лечения психиатрического стационара является сценарий «В жизни надо успеть сделать много хороших дел» (25%). Герои сказок (объекты проекции) наших пациентов этой категории добросердечны, и этим они помогают людям. Их добро — скорее такое же «волшебство», которого они также ожидают от других людей. Так, один из наших анализантов в своей сказке про «Деда Мороза» повествует, как ее главный герой, несмотря на

трудности и препятствия, успевает к Новому году подарить подарки всем детям. В другой сказке главный герой «Карандаш» решил по собственной инициативе помогать мальчику, в результате чего тот стал успевать в школе. В тоже время героям сказок наших сочинителей этой категории не чужды элементы и героического поведения. Так в одной из сказок, «Иванушка-дурочок» спасает от врагов целую деревню, но в отличие от классического мифического героя в этой сказке акцент сделан не на усилие, которое он должен предпринять, чтобы победить «недругов», а на благодарности со стороны соплеменников.

Мужчина, 50 лет.

«Жил-был Иванушка-дурочок. Тридцать лет просидел на печи. А потом пришли недруги и он победил их. Все его благодарили, хвалили. Так он спас целую деревню. И лег Иван-дурак опять на печь и лежал. Вот и сказки конец.»

К разновидности сценария «В жизни надо успеть сделать много хороших дел» мы отнесли сказки с элементами личностной трансформации главных героев (10% от общего количества исследуемых лиц). Главное отличие этих сказок — изменение поведения главного героя. Например, в сказке про одного «плохого человека», главный герой встречает добрых людей, которые отнеслись к нему с добром, приняли его в свою семью, в результате чего он изменился и также стал творить добро.

Также к категории «творящих добро» героев мы отнесли несколько сказок нравоучительного характера (7,5% от общего количества исследуемых лиц). Особенность их сюжетной линии заключается в утверждении, что некогда сделанное даже плохим человеком небольшое доброе дело возвращается ему сторицей и спасает его в трудной жизненной ситуации. Так, в сказке «Серебряная монета» главным героем является сильный и независимый мужчина, который внезапно разбогател (нашел клад) и начал жить в свое удовольствие, никому не помогая, и только однажды он бросил горсть мелких серебряных монет нищим, к которым отнесся с презрением. Когда же он заболел, и некому было за ним ухаживать, ему помог один из тех нищих людей. После этого «что-то новое и самое важное пришло в душу нашего героя, и далее начинается постепенное ее обновление». Можно отметить, что в этой сказке также наблюдается принцип трансформации.

Стремление к хорошей и счастливой жизни, во многом наивное и несколько инфантильное, наблюдается в сказках пациентов принудительного лечения с сюжетными линиями категории «Я хочу жить в красивом мире с прекрасными людьми» (15%). В них прослеживаются такие элементы, как отсутствие ди-

намики развития сюжета, главный положительный персонаж и его дружеское окружение счастливы и довольны жизнью. Предположительно это может быть связано со стремлением к стабильным, ровным и добросердечным отношениям без какого-либо жизненного напряжения и ответственности.

Мужчина, 27 лет.

«Жил-был кот Вася в семье. За ним ухаживали, следили, смотрели и ни в чем не отказывали. И в один из моментов взяли другого котика в семью. И больше стали ухаживать за вторым котиком, чем за Васей. Он смотрел за этим делом со стороны, и ему становилось обидно, что за ним меньше ухаживают. В конце концов, время проходило, второй кот подрастал. Они стали дружить между собой и ухаживать друг за другом. Жили и горя не знали».

Обращает на себя внимание тот факт, что в описанных выше трех сказочных сценариях, составляющих 80% от общего количества собранных нами сказок, лейтмотивом является идея помощи и взаимодействия. Ее ждут как чудо от волшебных сил или других людей – женщин, друзей, посторонних лиц. Многие сочинители через своих главных персонажей сказок также демонстрируют готовность помогать другим людям. Причем, понятия «добро» и «помощь» в них связаны с обычной бытийностью – в собственном доме, с семьей, друзьями или в одиночестве, причем, без притязаний на серьезные жизненные достижения.

Менее популярными в исследуемой категории анализантов являются другие сказочные сюжеты. Так, классический вариант героического мифа как «Достижение благодаря борьбе и победе» встретился у четырех анализантов (10 %). В этих вариантах сказок главные положительные персонажи всегда идут навстречу опасностям, борются с врагами, побеждают их, возвращаются обратно, получают признание народа и дальнейшую спокойную жизнь. Например, в одной достаточно большой сказке, главный герой принц, спасая свой народ от козней злого дракона и его свиты, состоящей из чудовищ и чародеев, преодолевает их оболечение, вступает с ними в борьбу и, поддерживаемый доброй феей, побеждает их. Эта сказка построена по принципу классического мифа о герое, изложенного в работах К.Г. Юнга [17]. В ней как в классических мифах о герое присутствуют мотивы сопротивления собственным корыстным побуждениям и нацеленность своей жизни на реализацию общественного блага.

К этой категории мы отнесли также сказку более бытового характера. В ней сочинитель проецирует себя на одного из главных героев – бобра, который вместе со своими друзьями медведем, зайцем и мышью

решили построить дом. Причём дом строил в основном бобр, которому в какой-то степени помогал медведь – он «носил». А заяц в основном говорил, мышь же «хитренькая была» и вообще просто потом пристроилась в доме. После завершения строительства медведь занял самую большую комнату и «стал править». При этом все нашли своё место в этом доме и свою роль в этом сообществе. Заканчивается сказка так: *«Вот так они жили-поживали и в радости свои дни скоротали».* Конечно, в этой сказке нет классического героического содержания, отсутствует борьба с противниками. Да и достижения в целом малые – главный герой просто строил дом для себя и своих друзей. Однако в данном произведении заложена экзистенциальная идея, в которой жизнь человека (существование, даэин, бытие-в-мире) рассматривается как погружение в бытие с его состояниями «заброшенности» и «заботы» [15]. В сказке ценность жизни её героев проистекает не из вносимой ими доли в общее благо, а из способности жить в мире со всеми, несмотря на их видимые недостатки. Удивительно, но эта простая сказка по своему содержанию имеет некоторое сходство с известной евангелистской притчей о работниках и винограднике, в которой говорится, что они получили от хозяина за свой труд равную оплату, не учитывая степень участия в нем. Правда сказка нашего анализанта имеет не столь величественный евангельский смысл, однако также воспринимается как откровение.

Однако в одной из сказок этой категории наблюдается все же соскальзывание на сюжет «Я хороший, поэтому достоин блага».

Мужчина, 23 лет.

«Жил-был человек. Увидел он как-то принцессу. Побеседовал с ней и понял, что влюбился. Потом через некоторое время он не мог ее найти. Ему сказали, что принцессу похитило чудовище, чтобы на ней жениться. Он отважился ее спасти. Он проходит много испытаний, чтобы победить чудовище, дерется с ним, побеждает его и забирает принцессу. Потом сыграли свадьбу и пир на весь мир. Живут себе, рождается у них дочка. Потом у этой дочки появляется ухажер из бедной семьи. Он женится на этой дочке, и они долго и счастливо живут».

Можно отметить, что сочинитель у своего героя (объекта проекции) как-то проигнорировал описание его испытаний и борьбы. Он просто взял да и победил дракона, забрал принцессу, откуда-то у него взялись средства, чтобы устроить «пир на весь мир». Поэтому возникает предположение, что основная проекция у сочинителя наблюдается не на главного героя, а на «ухажера из бедной семьи», который опять же просто взял и женился на дочке принцессы, рожденной от ее брака с главным героем.

Реже встречается у пациентов пессимистичный вариант развития сюжета «Нет в жизни счастья» (5%). В первой сказке мотылек по своей беспечности полетел на огонь и погиб. Сюжет второй сказки более сложный. Она вроде бы заканчивается благоприятно для ее главного героя. Однако в человеческом смысле он явно регрессировал, став «таким как все», превратившись в злодея. В данных сказках прослеживается скорее не будущий жизненный план, а анализ прожитой жизни, в которой неправильные поступки привели к потере жизненной перспективы.

Мужчина, 52 лет.

Жил-был мотылек. Он беспечно летал с другими мотыльками по цветам, собирал нектар. Вдруг неожиданно началась гроза, ударила молния и загорелось дерево. И беспечный мотылек полетел на костер. У мотылька обгорели крылья и он упал на землю. Так погиб беспечный мотылек.

Две сказки анализантов (5%) относятся к сюжетной линии «Если станешь на моем пути, я тебя уничтожу». Отмечено, что в этом сценарии главный герой достигает спокойной благополучной жизни путем жестокой битвы и принесения страданий другим. Главные герои наших пациентов проявляют свой мстительный нрав в бытовом плане, что не позволяет однозначно распознать его в их поведении. В одной из таких сказок имеются две сюжетные линии. Одна развивается вначале по принципу «Твори добро и тебе воздастся». Однако во второй части сказки главный герой убивает спящую «злую колдунью», на что побуждает его спасенный им персонаж, которого она якобы околдовала. Во второй сказке сочинитель ассоциирует себя с «царем-повелителем», который сыграл судьбоносную роль в жизни прекрасной Василины, предопределив ее жизнь в одиночестве. Мы предполагаем, что в этих типах сказок проявляется поведение анализанта, характеризующее К. Хорни как «идти против людей» [16].

Мужчина, 38 лет.

Жили-были дед и баба. И была у них внучка. Росла она росла и выросла в прекрасную красавицу. Красавицу звали Василина. захотел на ней цари жениться. Царь был уже старый. она попросила царя отыскать для нее цветик-семицветик. У царя был Иван на все руки мастер. Наказал царь Ивану найти цветочек. Ездил, ездил Иван и нашел цветочек в дремучем лесу. Вернулся обратно, а Василина узнала, что цветочек нашел не царь, а Иван. Полюбила Василина Ивана. Царю отказала. Так и осталась одна.

При анализе представленных сказок нами был обнаружен новый вариант жизненного сценария, который мы обозначили как «Самое лучшее никому не доверять» (2,5%). В этой сказке «Зайчонок» счастлив в своей обыденной жизни (собирает еду, утепляет норку, спит, кушает, просто гуляет) Но при этом он укло-

няется от предложения дружбы со стороны лисы, т.к. ее боится. В данном произведении, с нашей точки зрения, проявляется поведение, смягчающее «базальную тревогу», которое К. Хорни [16], определила как «идти прочь от людей».

Проведенный анализ показывает, что у пациентов принудительного лечения психиатрического стационара наблюдаются такие же жизненные сценарии, как и у людей психически здоровых и без социальных девиаций. Мы предполагаем, что различия между ними заключаются в том, что последние вероятно более способны контролировать свое поведение и адаптивно компенсировать явные невротические черты. Но для наших пациентов с их выраженным «ожиданием чуда» и имеющимися психическими расстройствами столкновение с окружающим миром, который далеко не всегда является «добрым волшебником», может стать травматичным. В связи с этим, усилия психологов в отделениях принудительного лечения должны быть направлены на подготовку пациентов к возможным вариантам столкновения с реальностью. При этом данная психологическая работа должна быть не только ориентирована на повышение способности к адаптации, но и на личностный рост.

Заключение

Апробированная нами методика «Персональная сказка» не вызывает трудностей в плане ее практического применения среди пациентов принудительного лечения психиатрического стационара. Все участники исследования в меру своих возможностей справились с поставленной задачей. Объем и содержание сказки во многом был детерминирован как интеллектуальной сохранныостью пациента, так и установкой «открытость-закрытость».

Исследование с использованием проективной методики «Персональная сказка» показало, что у большинства обследованных пациентов наблюдаются жизненные сценарии, обуславливающие трудности социальной адаптации, в силу того, что ответственность за себя и свою жизнь переносится на внешние факторы. Наиболее часто встречается жизненный сценарий варианта «Я хороший, поэтому достоин блага», который подразумевает пассивное ожидание чуда и жизненных благ.

Для лиц, длительное время находившихся в изоляции от социальной действительности, выявленные нами неадаптивные жизненные стратегии, могут стать причиной психологического кризиса и вызвать новые поведенческие девиации. Это дает нам основание рассматривать жизненный сценарий пациента как диагно-

стический материал, на базе которого можно не только строить прогнозы относительно последующей социализации пациентов и возможного риска противоправного поведения, но и на выявление компенсаторных механизмов.

Жизненный сценарий пациентов принудительного лечения психиатрического стационара является основанием для осуществления дифференцированных коррекционных интервенций со стороны психолога или психотерапевта. Такого рода вмешательства ориентированы на подготовку пациентов к самостоятельной жизни в реальной действительности и профилактику социальной дезадаптации.

Список литературы

1. Агеенкова Е.К. Снаружи и внутри: проективная диагностика в психологическом консультировании. Минск: БГПУ, 2018. 148 с.
2. Агеенкова Е.К., Фондо Ю.А. Некоторые аспекты взаимосвязи современных жизненных сценариев с сюжетами персональных сказок. *Вестник БГУ. Серия 3* 2004; (3): 50-55.
3. Агеенкова Е.К., Ларионов П.М. Новые возможности исследования жизненного сценария в процессе психологического консультирования. *Диалог* 2018; (3): 1-31.
4. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: «Когито-Центр», 2002. 220 с.
5. Ассаджолли Р. Психосинтез. Принципы и техник. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с.
6. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. Минск: Прамеб, 1992. 384 с.
7. Булыгина В. Г. Особенности психодиагностической и коррекционной работы во время принудительного лечения в психиатрическом стационаре. *Российский психиатрический журнал* 2007; (6): 4-10.
8. Бурлачук Л.Ф. Введение в проективную психологию. Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1997. 128 с.
9. Дикманн Х. Юнгианский анализ волшебных сказок. СПб.: Академический проект, 2000. 256 с.
10. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д., Тихонова Е.А. Проективная диагностика в сказкотерапии. СПб.: Речь, 2003. 208 с.
11. Ларионов П.М. Жизненный стиль и «идеальные модели совершенной личности» у больных тревожным расстройством. *Психотерапия* 2018; (12): 53-61.
12. Макушкина О.А., Буравцов К.А. Длительные сроки принудительного лечения больных в психиатрическом стационаре – клинико-социальный и организационный аспекты. *Психическое здоровье* 2016; (3): 38-45.
13. Некрасов С.Н., Возилкин И.В. Жизненные сценарии женщин и сексуальность. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. 166 с.
14. Стюарт Й., Джайнс В. Современный транзактный анализ СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 331 с.
15. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
16. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самоосуществление. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и БСК, 1997. 318 с.
17. Юнг К.Г. Символическая жизнь. М.: Когито-Центр, 2003. 326 с.

References

1. Ageenkova E.K. Outside and inside: projective diagnostics in psychological counseling. Minsk: BGPU, 2018. 148 p. (In Russ.)
2. Ageenkova E.K., Fondo Ju.A. Some aspects of the relationship of modern life scenarios with the plots of personal fairy tales. *Vestnik BGU. Serija 3 [Bulletin of BSU. Series 3]* 2004; (3): 50-55. (In Russ.)
3. Ageenkova E.K., Larionov P.M. New opportunities to study the life scenario in the process of psychological counseling. *Dialog [Dialogue]* 2018; (3): 1-31. (In Russ.)
4. Adler A. Essays on Individual Psychology. Moscow: «Kogito-Center», 2002. 220 p. (In Russ.)
5. Assagioli R. Psychosynthes: A Manual of Principles and Techniques. Moscow: JeKSMO-Press, 2002. 416 p. (In Russ.)
6. Berne E. Games People Play: The Psychology of Human Relationships; People Play Games: The Psychology of Human Fate. Minsk: Prameb, (1992). 384 p. (In Russ.)
7. Bulygina V.G. Specifics of psychodiagnostic and remedial work during compulsory treatment in a psychiatric hospital. *Rossijskij psichiatricheskij zhurnal [Russian Psychiatric Journal]* 2007; (6): 4-10. (In Russ.)
8. Burlachuk L.F. Introduction to projective psychology. Kiev: Nika-Center; Vist-S, 1997. 128 p. (In Russ.)
9. Dieckmann H. Jungian Analysis of Fairy Tales. Sankt-Petersburg: Academic project, 2000. 256 p. (In Russ.)
10. Zinkevich-Evstigneeva, T.D., Tihonova E.A. Projective diagnostics in fairy tale therapy. Sankt-Petersburg: Speech, 2003. 208 p. (In Russ.)
11. Larionov P.M. Life style and «ideal models of a perfect personality» in patients with anxiety disorder. *Psihoterapija [Psychotherapy]* 2018; (12): 53-61. (In Russ.)
12. Makushkina O.A., Buravcov K.A. Long-term compulsory treatment of patients in a psychiatric hospital - clinical, social and organizational aspects. *Psikhicheskoe zdorovie [Mental health]* 2016; (3): 38-45. (In Russ.)
13. Nekrasov S.N., Vozilkin I.V. Vital scenarios of women and sexuality. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1991. 166 p. (In Russ.)
14. Stewart I., Joines V. A New Introduction to Transactional Analysis. Sankt-Petersburg: Social Psychological Center, 1996. 331 p. (In Russ.)
15. Heidegger M. A Conversation on a Country Road. Moscow: High school, 1991. 192 p. (In Russ.)
16. Horney K. Neurosis and Human Growth: The Struggle Towards Self-Realization. Sankt-Petersburg: East European Institute of Psychoanalysis and BSK, 1997. 318 p. (In Russ.)
17. Jung K.G. The Symbolic life. Moscow: Kogito Center, 2003. 326 p. (In Russ.)